

«Куайюэ Юйчжоу» считалось довольно известным медиа в Юйчжоу, но стоило копнуть глубже, как выяснялось, что этот аккаунт не имел никакого отношения к государственным издательствам. На самом деле он принадлежал частной компании под названием «Фэнгуан Вэньхуа».

Эту компанию основала и спонсировала Лю Таньчжи. В её распоряжении находился не только «Куайюэ Юйчжоу», но и множество других аккаунтов разного калибра, таких как «Лан Тао Сяо Ша» и «Тань Хуа Шу». Все они позиционировали себя как основные СМИ, пользующиеся поддержкой правительства, хотя на официальных государственных сайтах их названий не значилось.

Разумеется, обычным людям и в голову не приходило проверять лицензии подобных мелких контор. Станным было другое: размахивая фальшивыми знаменами официальности в течение пяти или шести лет, они ни разу не получили предписания о реорганизации или закрытии.

Если просмотреть публикации этих аккаунтов в сети, становилось ясно: все они были неразрывно связаны с теми десятью пунктами обвинений, что выдвинули против Ли Цинли и Гу Нун.

Даже новость о том, что «Ли Цинли живет в роскошном особняке и разъезжает на элитных авто», впервые появилась именно в «Лан Тао Сяо Ша».

На приложенном фото «особняка» был виден лишь угол дома — даже общее представление о здании составить было невозможно. А так называемый «элитный автомобиль» на поверку оказался экспонатом из Музея автомобилей, расположенного неподалеку от исследовательского института «Хунсо».

Эта машина не была новинкой последних лет. Она представляла собой модель столетней давности, выпущенную всемирно известным брендом. Как знаковый образец инженерной мысли, она занимала самое видное место в музее: именно с неё началась мировая слава бренда, ставшего символом статуса и богатства.

Ли Цинли во время экскурсии очень впечатлился автомобилем и сфотографировался рядом с ним. На информационной табличке, которую он загородил спиной, было четко написано: «Не продается».

Любой, кто хоть раз бывал в этом музее или хоть немного разобрался в автомобильных брендах, понимал, что Ли Цинли никак не мог владеть этой машиной.

Однако сила слухов безгранична. На самом деле никого не заботила подлинность фотографий. С того самого момента, как Ли Цинли и Гу Нун покончили с собой, якобы признав вину, любой мусор в сети служил лишь одной цели: окончательно закрепить за ними образ двуличных

лицемеров.

[Ли Цинли подозревается в академической нечестности: репутация почетного учёного рухнула]

[Сложная личная жизнь Ли Цинли: кто эта загадочная женщина?]

[Инсайдеры сообщают: в лаборатории Гу Нун невозможно защититься, не дав взятку]

[Медицинская компания семьи Ли уличена в поставках брака: массовые возвраты из больниц]

[Первая фаза испытаний нового лекарства Ли Цинли «Люйиньсюй» экстренно остановлена властями по неизвестным причинам]

...

Некоторые из этих сплетен Ли Жун видел впервые.

Не все вбросы исходили напрямую от «Фэнгуан Вэньхуа», но именно эта компания играла ключевую роль в раздувании скандала.

Каждый новостной аккаунт фирмы имел налет «официальности», а многолетняя работа позволила им собрать огромную аудиторию. «Куайюэ Юйчжоу» среди них считался далеко не самым влиятельным, но даже его интервью умудрились прокрутить в столовой Школы А.

Просматривая новости, Цзянь Фу невольно затаил дыхание. Юноша совершенно забыл про хотпот.

Он то смотрел в телефон, то переводил взгляд на бесстрастное лицо Ли Жуна, и не выдержал:

— Ну и методы... Это они заранее всё спланировали или просто хайп ловили?

Стоит случиться громкому общественному событию, как тут же слетается свора злобных псов от СМИ. С остервенением и капающей слюной они набрасываются на жертву, вгрызаясь в неё, не гнушаясь ложью и манипуляциями, набивают карманы на волне народного гнева, а затем тихо отступают, выжидая следующую добычу.

Ли Жун и раньше видел подобное. И, к сожалению, понимал, что видит не в последний раз.

Он листал фотографии в телефоне, опустив глаза. Губы его были плотно сжаты, юноша не проронил ни слова.

Официант подходил подливать бульон уже раз семь или восемь. Пар над котлом стоял столбом, варево бурлило вовсю, но говядина и тофу в тарелке Ли Жуна давно остыли.

— Если бы выяснилось, что инвестор — рядовой сотрудник Университета А, то, скорее всего, всё дело было бы в погоне за трафиком, — холодно заметил Цэнь Сяо.

В конце концов, обычный клерк никак не мог конкурировать с Ли Цинли и Гу Нун, у него не было причин для вражды — лишь корысть и отсутствие совести.

Но когда стало известно, что муж этой женщины — коллега Ли Цинли, дело приняло совсем иной оборот.

Цзянь Фу с трудом сглотнул, чувствуя необъяснимую тяжесть на сердце.

— Этот Ли Байшоу вообще кто такой? Впервые слышу. Даже если у него были тёрки с профессором Ли, разве можно так топить людей?

В некоторые из этих слухов парень и сам когда-то поверил, мельком увидев в сети. Если бы они не нашли первоисточник, если бы он сам не посещал тот музей и не видел ту машину, он бы никогда не догадался, насколько абсурдны эти новости. А теперь под сомнение попало и всё остальное.

Но в разгар скандала докопаться до истины было почти невозможно. Одни только билеты в Музей автомобилей по пятьсот юаней отсекали большую часть горожан. Тех же, кто там бывал и запомнил конкретную машину, было и того меньше.

Ли Жун глубоко вздохнул, отложил телефон и спустя несколько секунд серьезно произнес:

— Сейчас Ли Байшоу действительно мало кому известен. Я знаю лишь, что он был коллегой отца.

Но позже Ли Байшоу, присвоивший себе труды Ли Цинли, станет очень знаменитым. Если ход времени не изменится, то до того момента, как он выдвинет свою гипотезу и прославится, осталось меньше полугода.

Цзянь Фу посмотрел на Ли Жуна, потом на Цэнь Сяо, и почувствовал, как внутри всё закипает от обиды.

— Черт, вы оба такие спокойные, а я тут, посторонний человек, задыхаюсь от злости. Я этого не понимаю!

Цзянь Фу знал: случись такое с его родителями, и узнай он, кто распускал слухи, он бы уже за

пушкой потянулся. Пан или пропал, плевать на последствия.

— Ты читал «Злое намерение»? — спросил Ли Жун.

Его собеседник скривился и покачал головой:

— Книгу? Я не люблю читать, сразу в сон клонит.

Цэнь Сяо поднял веки, встретившись взглядом с Ли Жуном, и буднично добавил:

— Зависть — страшное чувство. А Ли Цинли было за что ненавидеть.

Ли Жун горько усмехнулся.

В его глазах отец никогда не был идеалом. У Ли Цинли напрочь отсутствовал слух, но он об этом и не подозревал — обожал петь. В молодости он даже мечтал стать композитором, писал невообразимо фальшивые мелодии, и только Гу Нун неизменно его поддерживала, каждый раз с улыбкой хлопая в ладоши.

При этом Гу Нун была заядлой театралкой и прекрасно разбиралась в музыке. Ли Жун был уверен: если бы мать не поощряла эти порывы, ему бы не пришлось так часто выслушивать «уникальное» пение отца.

Ли Цинли был слишком чувствительным. Порой он напоминал ребёнка, которого жизнь так и не научила цинизму.

Он мог прослезиться, глядя программу о поисках родственников или новости о стихийных бедствиях. Видя в сети просьбы о помощи больным, он тяжело вздыхал и втайне от жены переводил крупные суммы. Его было слишком легко разжалобить.

На его фоне Ли Жун чувствовал себя сухарём. Он никогда не смог бы так искренне сострадать всему миру, как отец, и никогда не смог бы поддерживать кого-то так безоговорочно, как мать.

Таких людей, как его родители, больше не будет.

Ли Жун погрузился в воспоминания, как вдруг почувствовал тепло на губах. Он очнулся и увидел, что Цэнь Сяо поднёс к его рту ложку с кусочком варёного батата.

Ли Жун инстинктивно подался назад, его ресницы дрогнули. Затем он поднял руку, коснулся запястья Цэнь Сяо и, придерживая его, принял тёплое угощение. Батат был нежным и сладким, с лёгкой кислинкой томатного бульона. Он так давно не ел его, что вкус показался

необычайно ярким.

— Когда ты успел его забросить?

— Только что.

Взгляд Цэнь Сяо задержался на влажных губах Ли Жуна. Тот ел всё так же аккуратно и неспешно, даже этот маленький кусочек принимал, осторожно придерживая руку друга своей.

Цзянь Фу чуть не выронил палочки в котел. Он смотрел, как его названный брат кормит Ли Жуна, и чувствовал, что здесь что-то не так. Но всё было обставлено настолько естественно и открыто, что он решил: «Наверное, я просто сам себе чего-то напридумывал».

Проглотив угощение, Ли Жун отпустил руку Цэнь Сяо и облизал губы:

— А ведь и правда вкусно.

Цэнь Сяо вскинул бровь:

— Да? Ну-ка, я тоже попробую.

Он подцепил из котла другой ломтик, зачерпнул немного бульона и с самым невозмутимым видом отправил ложку себе в рот.

Ту самую ложку, которой только что касались губы Ли Жуна.

Цзянь Фу поскрѐб за ухом и, чувствуя неловкость, отвернулся к окну.

— И что вы собираетесь делать? Даже если взяться за это дело, Ли Байшоу сухим из воды выйдет. Он — это он, а жена — это жена.

Ли Жун негромко рассмеялся:

— Не к спеху.

— Тут дело не только в зависти, — добавил Цэнь Сяо.

Его собеседник окончательно запутался:

— Да какими вы шифровками перемигиваетесь? Тут же ясно как день, что этот парень по уши в дерьме. Надо валить его, пока возможность есть: подать на него в суд за клевету и накатать жалобу директору института «Хунсо». Глядишь, и доброе имя родителей восстановите.

Цэнь Сяо мельком взглянул на него:

— Ты серьезно думаешь, что ты один такой проницательный, а остальные ничего не знают?

Цзянь Фу осекся. Он только сейчас осознал, что получил эту информацию от сотрудников Первого района. А значит, все причастные уже давно вычислили связь с Ли Байшоу.

— В Первом районе точно в курсе, — пробормотал он.

Ли Жун всегда считал Цэнь Сяо человеком глубоким и проницательным, но его реакция всё равно впечатляла. Значит, парень с самого начала понял, что Ли Байшоу — лишь верхушка айсберга.

Сам Ли Жун пришёл к этому выводу лишь спустя шесть лет в прошлой жизни. Несмотря на явные дыры в официальной версии, никто в «Хунсо» не пытался поднять это дело. Даже «Ланьшу» не использовала скандал, чтобы шантажировать институт. В этом вопросе «Хунсо» и «Ланьшу» проявили редкое единодушие: никто не хотел, чтобы история его родителей снова всплыла на поверхность.

Одного Ли Байшоу для такого масштаба было явно недостаточно. Десяток таких, как он, не стоили для института столько, сколько Ли Цинли и Гу Нун.

Официант подошёл к их столику и вежливо произнёс:

— Простите, уважаемые гости, желаете заказать что-нибудь ещё? Кухня закрывается через пять минут.

Цзянь Фу вскинул голову:

— Ого, уже десять вечера!

Он и не заметил, как пролетело время за обсуждением новостей.

— Больше ничего не нужно, мы уже заканчиваем, — ответил Цэнь Сяо.

Официант кивнул и удалился. Хотпот в этом заведении и впрямь был неплох, но из-за новостей аппетит у всех пропал. Больше половины продуктов осталось нетронутыми. Цэнь Сяо

распорядился собрать еду с собой и всучил пакеты Цзянь Фу — только у него дома хоть кто-то готовил, а Ли Жун и сам Цэнь Сяо давно стали постоянными клиентами служб доставки.

Сначала Цэнь Сяо довёз Ли Жуна до дома. Когда тот уже собрался выходить, Цэнь Сяо спросил:

— Может, в отель?

Всё-таки в доме сегодня пролилась кровь, оставаться там было не лучшей затеей.

Ли Жун покачал головой:

— Слишком устал, не хочу лишних движений.

— Согласен, — поддержал Цзянь Фу, — я тоже выжат как лимон, глаза сами закрываются.

Ли Жун обернулся и с доброй улыбкой напомнил:

— Завтра я переезжаю в общежитие. Жду тебя, дорогой друг.

Цзянь Фу: «...»

Одиннадцать часов вечера. Улицы города погрузились в безмолвие. Тени деревьев на асфальте сплетались в причудливые узоры, напоминающие заросли терновника с острыми серо-черными шипами.

Цэнь Сяо поставил машину в гараж и вошел в дом. С порога он увидел, как экономка носится по этажам за сине-золотой шиншиллой. За последние дни Сяо Мужань так откормила кота, что его шерсть лоснилась, а глаза сияли — он всё больше походил на представителя знатного рода.

Кот лениво зевнул, сверкнув голубыми глазами, издал короткое «мяу» и ловко запрыгнул на перила лестницы.

— Ах ты, горе луковое, — вздохнула экономка, — да постой же ты!

Сяо У — так звали кота — уселся на перила, аккуратно поставив передние лапки, и вытянул шею, глядя на Цэнь Сяо. Хвост его мерно покачивался.

Юноша протянул руку и легонько нажал пальцем ему на лоб. Кот зажмурился и втянул голову, но не убежал, а напротив — снова открыл глаза и склонил голову набок, изучая хозяина.

«Надо же, как похож» — промелькнуло в голове Цэнь Сяо.

— Как хозяйка уехала, он совсем ничего не ест, — пожаловалась экономка. — Я за ним и так, и эдак — ни в какую. В руки не дается, не признает меня. Обычно-то он только у госпожи на руках сидит.

Только тогда Цэнь Сяо заметил, что Сяо Мужань дома нет, хотя в кабинете на втором этаже горел свет.

— А где мама? — спросил он.

— Сказала, в соседнем городе какая-то знаменитая группа выступает, специально поехала послушать, — поспешно ответила женщина.

Он понимающе кивнул. В последние годы мать, помимо фанатичной работы, интересовалась разве что музыкой. Поэтому отец вернулся сегодня именно потому, что её нет дома.

Посмотрев на голодного кота, Цэнь Сяо подошел к шкафчику с лакомствами, достал пакетик с соусом из мелкой рыбки и, вскрыв его, вернулся к лестнице.

Сяо У прищурился, пошевелил белыми вибриссами и медленно, с достоинством принял угощение.

— Надо же, не убегает от вас! — удивилась экономка.

Цэнь Сяо смотрел, как кот, выгнув мягкую спину, аккуратно поглощает лакомство.

— Будешь к нему с добром — и он ответит тем же, — негромко произнес он.

Женщина не нашлась что возразить, хотя была уверена, что и сама неплохо заботится о животном.

Цэнь Сяо уже собирался идти к себе, когда дверь кабинета распахнулась. На пороге стоял Цэнь Цин. Нахмурившись, он спросил:

— Почему так поздно?

Сын издал короткий смешок:

— Неужели ты решил начать беспокоиться о моем расписании только сейчас, когда я почти совершеннолетний?

Мышцы на лице Цэнь Цина дернулись, он явно не ожидал такого отпора. Цэнь Сяо не стал капризничать — он выпрямился, засунул руку в карман и спросил:

— Что-то случилось?

Цэнь Цин перевёл дыхание, бросил взгляд на кота, который весь день носился по дому, и перешел к делу:

— О твоих художествах с Ли Жуном уже знает вся торговая палата. Разве я не говорил тебе держаться подальше от семьи Ли?

Его сын едва заметно усмехнулся:

— Может, тебе стоит сначала сказать это маме?

Цэнь Цин снова замолчал. Если бы он мог заставить Сяо Мужань держаться подальше от этой фамилии, их семья не оказалась бы в нынешнем положении.

Цэнь Сяо опустил взгляд на кончики пальцев, на которые случайно попал соус, и вежливо произнес:

— Если это всё, я пойду.

Видя его безразличие, отец внезапно повысил голос:

— Как ты на самом деле относишься к этому Ли Жуну? Ты его ненавидишь или хочешь помочь?

Пальцы Цэнь Сяо замерли. Он медленно поднял взгляд на отца и с неподдельным интересом спросил:

— А мне вот любопытно: в истории с Ли Цинли ты на какой стороне был — на правой или на левой?

Цэнь Цин сглотнул. Его веки, тронутые морщинами, мелко задрожали, но он ничего не ответил.

Цэнь Сяо был как глухая стена: спокойный, непоколебимый и абсолютно непроницаемый. Отец давно перестал понимать истинные намерения сына.

Старик махнул рукой:

— Ладно. Когда повзрослеешь, поймешь, что такое выгода и выбор меньшего из зол. Раз уж ты согласился поступать в Девятый район, учти: сложность экзамена для стажёров там гораздо выше, чем в Третьем. В этом году у тебя выпускные, времени не хватит. Поступишь на первый курс, начнешь стажировку в Третьем районе — я уже подготовил для тебя программу тренировок. Ко второму курсу, даст бог, сдашь в Девятый.

— В этом нет нужды, — юноша без колебаний отверг тщательно выстроенный план. — Видимо, Ян Фанфан еще не успела тебе сообщить: я уже взял справку в школе и отправил документы в приемную комиссию Девятого района.

Для поступления в Девятый район не было возрастных рамок — достаточно быть старше восемнадцати.

Цэнь Цин нахмурился:

— Ты издеваешься? Выпускник школы собрался в Девятый район? Ты хоть понимаешь, что это не шутки? Знаешь, сколько студентов Университета А проваливаются из года в год? Сколько сотрудников Восьмого района «Ланьшу» годами не могут сдать этот экзамен? Если бы туда было так легко попасть, отряд «Призрачный глаз» не доставлял бы столько хлопот.

Цэнь Сяо улыбнулся — одними углами губ:

— Для меня это и есть шутка.

<http://bllate.org/book/15351/1421477>